

18+ Алексей Аимин

Отчина. Связь веков

Исследование рукописи

Алексей Аимин

**Отчина. Связь веков.
Исследование рукописи**

«Издательские решения»

Аимин А.

Отчина. Связь веков. Исследование рукописи / А. Аимин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854052-3

ОТЧИНА Экземпляр самиздатовской книги 1928 года «Отчина» попал ко мне случайно. Небольшая книжица в 80 стр. подарила мне увлекательное путешествие в далекое и не очень далекое прошлое, куда и приглашаю всех патриотов земли русской. ПРИХОД НА РУСЬ — неизвестные и малоизвестные факты прихода на языческую Русь христианства. КРИВИЧИ — очерк о малоизвестных страницах истории Северо-запада России и княжества Русь Литовская.

ISBN 978-5-44-854052-3

© Аимин А.

© Издательские решения

Содержание

ОТЧИНА	6
От автора	6
По страницам рукописи	7
Малая обитель	15
Комментарии	20
Игумен Корнилий	26
Комментарии	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Отчина. Связь веков Исследование рукописи

Алексей Аимин

© Алексей Аимин, 2018

ISBN 978-5-4485-4052-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТЧИНА

От автора

Проделав данную работу, я немного засомневался в ее целесообразности. Это было мое первое историко-этимологическое исследование, касающееся не только истории России, но и истории Православия. Набравшись храбрости отправил рукопись на проверку настоятелю Псково-Печерского монастыря:

Ваше Высокопреподобие уважаемый отец Наместник Архимандрит Тихон. Прошу вашего благословения на издание исторического очерка-эссе «Отчина. Связь веков», рассказывающего о славном пути Вашей обители. Буду рад замечаниям.

Получаю ответ:

*Уважаемый Алексей Аимин! Молимся о Вашем здравии и спасении.
С уважением – Наместник Архимандрит ТИХОН
06.10.2009
— — — Original Message — — —*

From: А. А. Аимин
To: webmaster@pskovo-pechersky-monastery.ru
Sent: Saturday, October 03, 2009 9:38 PM
Subject: Рукопись

И хотя благословения архимандрита я не получил, мне было достаточно и того, что мне не было сделано замечаний по истории обители. Теперь с чистой совестью предлагаю этот труд вашему вниманию.

По страницам рукописи

Эта небольшая книжица в 80 страниц попала ко мне случайно. На два дня мне ее дала заведующая Лужской городской библиотекой. На коричневом картоне самодельной обложки была аккуратно наклеена темно-синяя ткань. Мелкий рисунок с золотистой вязью, потертые уголки, зеленоватый срез бумаги подсказывали, что впереди меня ждет необычное чтение.

Вот так выглядел «Самиздат» вековой давности

Раскрыв книжицу, я понял, что не ошибся. Это была аккуратно отпечатанная рукопись, набранная на пишущей машинке. Судя по не четкой пропечатке синеватых букв, в моих руках был ее четвертый или пятый копировочный экземпляр.

На пожелтевшем титульном листе прочел:

Леонид Зуров, Отчина, 1928 год.

На следующей странице следовала авторская преамбула:

«Очерки «Отчина» – результат весенней работы в Псково-Печерском монастыре. Пользуясь гостеприимством Обители, я смог просмотреть рукописную библиотеку, хранящуюся в ризнице, сделать зарисовки букв, концовок, водяных знаков и кожаных тиснений.

В библиотеке мне удалось обнаружить заброшенную икону с рисунком обители конца царствования АЛЕКСЕЯ Ми-хайловича и богатую киноварными буквами рукописную книгу XVI века государева дьяка Мисюры Минейхина».

Мисюрь Минехин был уверен в величии Православной веры и всю свою жизнь и все свои силы положил на укрепление рубежей Московии. Это в его проповедях громко зазвучало:

«Москва – третий Рим.»

Бегло пролистав рукопись, понял: не беллетристика. На научный труд тоже не похоже: ни цифр, ни дат, ни каких-либо глубокомысленных выводов.

Зато в душу сразу же запали фразы:

«Тихо на белых крыльях летел в обители день».

«Звонкое безлюдье царило окрест».

Это же поэзия!

Перелистываю еще несколько страниц – ну конечно, поэзия – лирическая, патриотическая, эмоциональная:

«Ветры, сметающие песок с корней, несли тоскующий плач псковитянок».

«...и от литовского огня вознеслась на небо деревянная церковь».

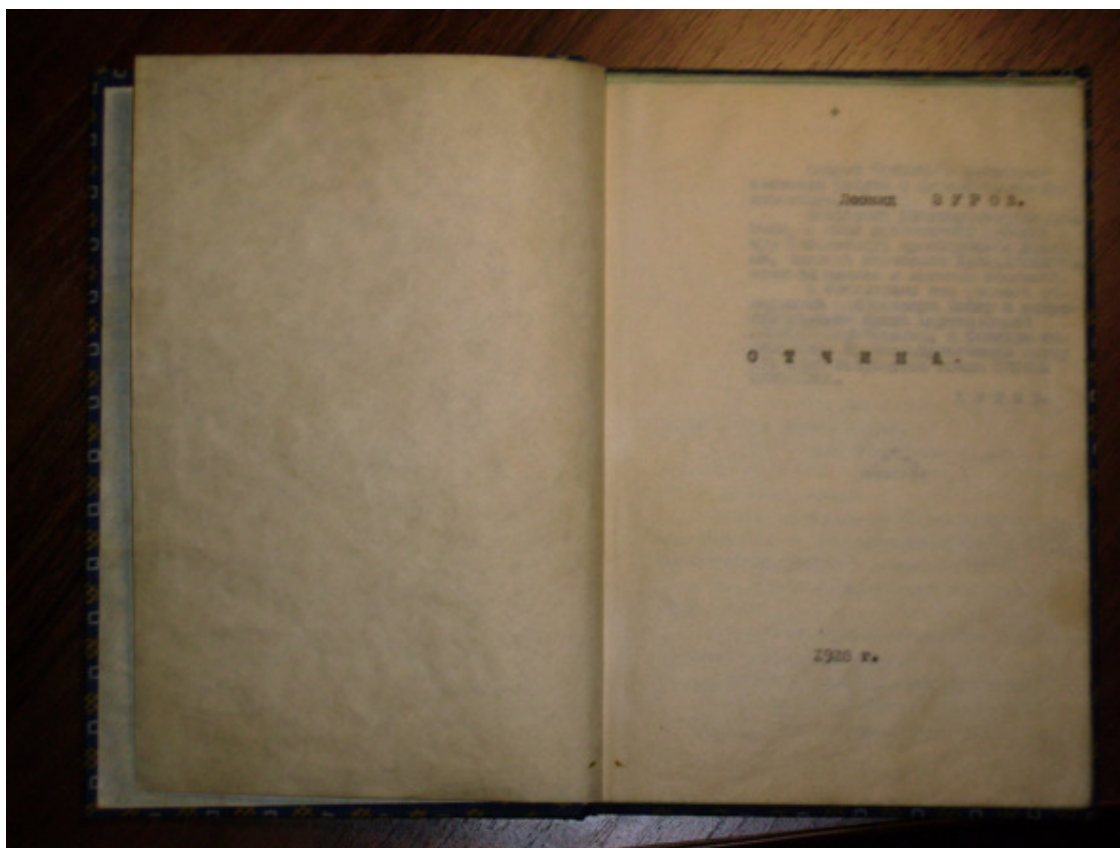
Но кто же автор? Какова его судьба?

На титульном листе рукописи обозначена дата – 1928 год. Псково-Печерский монастырь тогда находился на территории Эстонии. Несомненно, автор был глубоко верующим человеком. Может, Леонид Зуров был священнослужителем или паломником, посетившим монастырь в те очень непростые для православных годы? Обо всем этом я узнал позже.

В то время его имя еще ничего не говорило и этот вопрос я оставил на потом и решил зайти с другого конца.

Но что же тогда у меня в руках, перепечатка с уже вышедшей книги или перепечатка с самой рукописи? Об этом тоже пока остается лишь строить догадки.

А пока раскрываю и вчитываюсь...

Титульный лист

Вчитываясь в пожелтевшие страницы, интуитивно начинаю понимать главную задумку автора. Не претендуя на какое-либо признание и не преследуя личных целей, Леонид Зуров хотел донести до современников и потомков правду о мужестве русского народа, монашеского подвига и роли православной церкви в истории Российского государства.

Стиль самого повествования показался мне необычным и довольно сложным, иногда приходилось вчитываться в текст и возвращаться назад. Но именно этот необычный язык стал главным связующим звеном между прошлым и будущим, между нами и печерскими и псковскими летописцами. Леонид Зауров обращается к событиям, уже описанным до него. Вот, например, как рассказывает неизвестный очевидец событий в рукописи 1582 года¹ о начале Ливонской войны:

«Когда достиг государь Лифляндской земли, прослышали жители Лифляндской земли, немцы, о царском на них нашествии, пришли в смятение и зашатались от страха, как пьяные, зная о сильном и храбром войске его и осознавая бессилие свое».

В «Отчине» о начальном этапе войны повествуется столь же образно, но гораздо ярче и поэтичней:

¹ «Повесть о нашествии Литовского короля Стефана с великим и гордым войском на великий и славный Богоспасаемый град Псков; откуда и как и каким образом послал его Бог за грехи наши на Русскую землю и как по великой милости Пребезначальной Троицы к нам, грешным христианам, ушел он от града Пскова со стыдом многим и с великим срамом». – Рукопись, 1582 – 1583.

«По мерзлой земле запрыгала пушечная пальба, зарево задрожало над замками, и побежала Ливония, пугаясь росших в поле деревьев».

Читая очерки Леонида Зурова, как бы слышишь разговорную речь того времени. И хотя стилистика повествования в «Отчине» иногда напоминает тексты иноков-летописцев, в ней явно присутствуют и элементы былинной напевности, заимствованные из устного народного творчества:

«...где спали горбатые валуны, настигла их изборская рать, и после сечи легла Литва, прижав мох».

Поначалу мне захотелось выписать для себя лишь отдельные, особо задевшие меня строчки. Затем начал набирать небольшие отрывки из текста – может, пригодятся. Но в конце концов решил полностью перевести текст рукописи в электронный вид, сам еще не понимая для чего.

Набор текста творческой работой назвать трудно, однако для меня это занятие превратилось в увлекательное путешествие в прошлое, в том числе и в историю развития русского языка. Не замеченные при первом прочтении слова и фразеологические обороты яркими мазками дорисовывали созданные Л. Зуровым образы. Они же подарили мне и небольшие филологические и этимологические открытия. В очерке «Малая обитель» читаю:

«В перемирные годы закладывал Псков стены каменные».

Здесь идет речь о событиях, происходивших после 1482 года. Тогда, после осады Изборска и Пскова (1480—1481 гг.), с Ливонским орденом на 10 лет был заключен мир. В то время на жизнь одного поколения псковичей выпадало несколько войн, потому народ этим коротким мирным периодам и дал такое точное определение – перемирные годы. Там же перечисляется помощь, оказанная местным населением нарождающейся обители:

«Мужики подарили им мерина и поженьки из былья чьих-то перебитых Литвою жильцов».

Поженьки здесь прочитываются как сельскохозяйственный инвентарь, производное от **пожня** (сжатое поле) – то есть поле, которое обжали. И тут возникает ассоциация со словом **пожитки**, ведь хлеб на корню в период переработки и закладки на хранение называли житом. Житом именовали и хлеб, оставленный крестьянином для себя, в отличие от излишка, который, превращаясь в товар, уже назывался зерном или хлебом. Слово **пожитки** могло означать все необходимое для выращивания и хранения жита: соху, серп, цеп, вилы, мешки, лари – первое и самое главное крестьянское имущество. И лишь потом, когда от **жита** образовалось слово **жизнь**, значение слова **пожитки** стало шире: общее название имущества, необходимого для жизни.

О возведении первой в обители деревянной церкви Леонид Зуров пишет так:

«На горе срубили они церковь Антония и Феодосия. Сообща вывели над крытым драницей шатром купол, из железа сковали бильце».

Что такое *бильце*? В старину многие монастыри за бедностью не имели возможности отлить колокола, потому вместо них применялось било. Оно могло быть деревянным, медным, железным. Ну а *бильце* – это всего лишь маленькое било.

Било

А вот еще одна интересная догадка. В начале очерка «Корнилий» идет перечисление занятий будущего игумена Псково-Печерского монастыря в период отрочества:

«...свечи скал, дрова рубил, и был искусен в письме иконном».

Так вот *скал* не что иное, как форма глагола *скалить* (скатывать). В те времена свечи еще не отливали, а скатывали из разогретого и размятого воска, заложив внутрь фитильную нить. Кстати, наиболее вероятно, что именно от глагола *скалить* произошло известное нам слово *скалка*.

В том же очерке описывается благословление игумена Корнилия на начало строительства каменных стен. При перечислении наемных рабочих называются две не встречающиеся в современном языке специальности – *стенички* и *ломцы*. Если со стеничками все понятно – это каменщики, то *ломцы* давно ушли в историю. Это были рабочие каменоломен – на Псковщине их называли *выломками*. В русском языке осталось название их основного инструмента – лом.

В очерке об осаде Пскова рассказывается, как крестный ход из Печер встретил *«...гонцов, что, надев на копы шапки, кликали по деревням, чтобы все жгли свое обилье и ехали в осаду»*. *Обилье* в данном случае означает то, что невозможно было увезти с собой или спрятать. Впоследствии от корня этого забытого существительного произошло слово *изобилие*.

В очерках Л. Зурова многие слова и выражения поначалу могут показаться непонятными, на самом же деле они являются прародителями современной лексики. Например:

сумежьи земли – земли, прилегающие к *меже*, границе, т.е. приграничные;

отынил – производное от *отынить*, то есть поставить забор, тын; отгородить;

кольчатый панцирь – спаянная из колец кольчуга (от слова *кольцо*);

ротовище – древко с высверленным отверстием, внутрь которого вставлялся наконечник копья;

подъезды и навести – дороги к монастырю, второе – от глагола *вести*, отсюда *навестить*;

«...и многие стопицы потянулись к лесному монастырьку».

Стопицы – это тропинки и дорожки, протоптанные к обители богомольцами.

Неоднократно в рукописи встречается определение, от которого также веет поэзией: *обозерские рыбаки*. Так называли рыбаков с Псковского и Чудского озер, соединенных широкой протокой. Это сложное слово звучало бы менее красиво, будь оно образовано от словосочетания *два озера*.

Нет никакого сомнения в том, что автор очерков был талантливым человеком, ему часто удается всего лишь одним словом расцветить целое предложение:

«Приступая к работе, начиная затвор в тишину, становились они на молитву».

«...ветер ровно держал стяг Нерукотворного Спаса, а за кораблями бусами тянулись груженные белым льном ладьи».

«Оставив мирской мятеж, ушел он из Пскова, и в Печерской обители возложили на него иноческий образ».

Удалось Леониду Зурову передать и эмоциональную сторону жизни в те тяжелые и скорбные для Пскова и Новгорода годы. Простыми образами и обычными словами он смог передать ужас и страдания от несчастий, обрушившихся на русских людей:

«В чужих следах были поля. По весне не зацвели посеченные сады, пчелы не прилетели на разоренные пасеки», – пишет автор об опустошительных набегах литовцев;

«В заморных, заколоченных домах, живые, не смея выйти на улицу, помирали голодной смертью, а бежавшие в леса питались листьями и мхом» – это горестное описание эпидемии чумы;

«Взметывало головни, выбрасывало клуб за клубом шумное, как весенний ревуший поток, искорье, гнало пламя по крышам, взрывало высушенные огненным зноем сады» – так повествуется о невиданном пожаре в Пскове.

О трагических событиях XVI века рассказывается в очерке «Корнилий». Иван Грозный объединял русские земли мечом и кровью. Порубежные ливонские территории он тоже хотел присоединить к Московии. В 1559 году началась Ливонская война. Татарская конница Тохтамыш сеяла в Ливонии ужас:

«Татары из царского войска за ноги волочили старых кнехтов и молодых дворян в заросшие кустами овраги. С башен замков ливонские девушки увидели бегущих и тучами шедшую по полям и дорогам Москву».

Но за кратковременными победами последовали поражения. Грозный видел причину военных неудач в предательстве воеводы Андрея Курбского, перешедшего на сторону Литвы, и в готовящихся заговорах. Царь считал, что Псков и Новгород не излечились от «вечевой заразы», и опасался, что они могут перейти на сторону Литвы. Грозный решил упредить измену и сам пошел во главе опричников карать русский народ:

«На вороных конях, то шагом, позванивая в трубы, то с присвистом и гиком, пуская пылью, шла верная в своем сиротстве опричина».

Из всех исторических личностей, представленных в очерках, наиболее точен портрет Ивана Грозного. Автору удалось ярко выразить внутренние терзания царя. Мы видим жестокого затравленного тирана, ненавидевшего всех, в том числе и свое окружение. Убивал и каялся государь, убивал и каялся:

«От поклонов был темен, словно закопчен его лоб, а кожа пальцев изранена колючими веревками».

Средневековые авторы и нынешние историки отмечают характерную особенность натуры Ивана IV – непредсказуемое чередование гнева и раскаяния. Об этом мы находим сведения и на официальном сайте Псково-Печерского монастыря: *«Свидетельством раскаяния царя Иоанна Васильевича служат щедрые пожертвования Псково-Печерскому монастырю, сделанные им после кончины Корнилия и, как утверждают, именно в память этого мученика. Он оказал обители много благодеяний и много способствовал украшению ее, награждал селами, золотом, разными книгами и многими другими потребными вещами, а из собственных его царских вещей в память оставил цепь золотую, в коей 19 звеньев золотых, монет весом 42 золот-*

ника, нож, вилку и ложку в серебряной оправе, орчаг седельный, трубу военную и денежный кошелек, два ковши серебряных весом оба 1 фунт и 87 золотников».

Пропитан глубоким патриотизмом и уважением к подвигу наших предков очерк «Осада Пскова». Набатом отдается в сердце описание батальных сцен:

«Посеченные грузно оседали на землю, их заступали другие. Цепляясь за наваленные, как ржаные снопы, теплые трупы, отползали раненые и, умирая, крестились на знаменный лик.

Всем казалось, что медленно течет солнце. Пот бежал по серым от пыли, забрызганным кровью лицам».

Читатель ощущает себя рядом с защитниками города. Видимо, это дано было прочувствовать и самому автору, иначе не смог бы он так искренне описать драматическую оборону Пскова.

Время летит быстро. Леонид Зуров был ближе к событиям, происходившим четыреста-пятьсот лет назад, почти на век. Но за это неполное столетие мир изменился не меньше, чем за все предыдущие века. Сегодня уходит в прошлое официальный, подкорректированный государями и вождями взгляд на историю. В поле зрения современных исследователей попадает все больше исторических материалов, среди которых и первоисточники, когда-то недоступные для рядовых граждан. «Отчина» именно такой исторический документ, хотя это прежде всего литературное произведение.

Конечно, не все в рукописи соответствует имеющимся официальным версиям, особенно это касается первых двух очерков. Документальных источников о возникновении Печерского монастыря не сохранилось, и потому автор опирался на предания и легенды. И пусть Леонид Зуров не сделал больших исторических открытий, но ему удалось передать дух времени, который стоит большего, чем сухие цифры и факты. Сегодня нам всем очень важно ощутить связь между прошлым и настоящим, между нами и нашими далекими предками: крестьянами, пушкарями, стрельцами, иноками святой обители, защищавшими свою отчину, творившими историю родной земли. Мне радостно, что труд Леонида Зурова сохранился до наших дней. Очень надеюсь, что через восемьдесят лет после создания, «Отчина» наконец дойдет до широкого круга читателей.

Малая обитель

В эти годы был страшен дальний храп коней и шум пустых обозов. В чужих следах были поля. По весне не зацвели посеченные сады, пчелы не прилетели на разоренные пасеки. Гуляла по Псковщине Литва, жгла деревни, гонялась за беглыми и наконец ушла, оставив боры, мхи, поля с угольем и трупье на месте сеч.

По широким дорогам гнали псковских полоняников. Шли они, не поднимая глаз, босые, без шоломов и кольчуг, в белых долгих, без подпоясок, рубахах, связанные одной веревкой.

Ветры, сметающие песок с корней, несли тоскующий плач псковитянок. Многие погибли в те годы в лесах голодной смертью, многие пошли по миру, прося подаяния, показывая свои рубища, изъязвленные ноги и своих малолетних детей.

Славна земля Твоя, Святая Троица!

Широки Твои поля, Святая Троица, а трудно пашиню пахать...

Из-под Юрьева Ливонского² возвращались пленные с Литвы. Встретили они старика, что брел без хлеба и денег, с одной лишь иконой, отрока подобрали у пожарища. Ратный пристал по дороге, не оправился он от ран, шел в рваном кафтане, в подбитом паклей шелоде, волоча за собой тяжелый боевой топор. Впереди шел крестьянский сын, за ним старик, неся в руках завернутую в чистую холстину икону, отрок, затем два мужика и служилый человек.

Подошли к Тайлову, но заночевали в бору. Близ ручья, на сухом месте под елями, настлали они порубленного березнячку. В котел с водой искрошили сухой ломоть хлеба, что дал мужик, остерегший их от изборского пути. Благословил старик место ночное, и, опорожнив котелок, легли они на тощее сердце. Усталость томила, и, прижавшись плечо к плечу, уснули они под шорох вершин.

² Юрьев – город на территории Ливонии основанный Ярославом Мудрым, в период его княжения в Новгороде. Впоследствии Дерпт, нынешний Тарту.

Валуны в окрестностях монастыря

Что-то толкнуло старика разбудить странных людей. В забыты прижавшись лбом к холодеющей земле, услышал он предостерегающий гул.

Близка была деревня, вдали за туманом пропели петухи. Еще не тронуло солнце вершины елей, как, пробив перед иконой поклоны, они тронулись в путь стороной от дороги.

Не долго держалась тишина. Конский топот разбудил дорогу, пробежали мужики, а от отставшего они узнали, что напала на Тайлово Литва. Потом бледное зарево взошло против зари.

Мужик их вывел в овраг к ручью, заросшему орешником, папортью и вербьем. На круче, над тремя мхом подернутыми валунами, дубы несли свою могучую зелень. Крестьянин провел их на дно оврага и указал на запутанный корнями сосен узкий, поболее лисьего, пещерный вход.

Первые проведали об их жизни изборяне, лесовавшие белку, и копавшие на горшки глину пачковские бобыли³. Видели они у камней молившегося старца. Принесли они и положили на пни хлеб и сушеную рыбу.

Был молчалив глухой овраг со скатами, поросшими мхом и брусникой. У берегов ручья лежали выгнившие, заросшие грибами березы.

Рой прилетел на липу. Смастерил отрок две бор-ти⁴ и поставил их на поляне. По утрам отрок ловил в речке щук, а по вечерам слушал старца, учился стоять на молитве и подпевать.

³ Бобыль – безземельный крестьянин.

⁴ Борть – выдолбленный из дубового или липового чурбака улей.

Но миновали глухие времена, и потянуло мужиков к пахне. Благословил их старец на уход и сказал, что чист путь всем, а не покинет он пещеры и кончит здесь жизнь в молитве по Пресвятой защитившей их Богородице.

Служилый упал ему в ноги и попросил благословить на подвиг пустынного жития, а отрок, заплакав, сказал: «Уйду от тебя, коли силою прогонишь».

В день ухода остальных у дубов на вечерней молитве перед иконой Успения дали они обет целомудрия, послушания и нищеты.

В Пскове при соборе Святой Троицы жил священник по имени Иоанн, по прозванию Шестник – пришлый, ушедший из Юрьева Ливонского, когда крыжаки⁵ там стали привлекать к латинской вере. Был он велик ростом, густоволос и круглый год ходил с непокрытой головой и в кольчуге.

Потом на Псковщину пришла весть, что оставшиеся в Юрьеве его друг просвигер Исидор с прихожанами и малыми детьми во время Водокрестия были умучены – брошены под лед Амовжи. Весной после водополюя обрели их тела нетленные в трех поприщах⁶ от града на песчаной косе, где их и захоронили на буевище⁷ у святого Николы.

На торгу он узнал о старце, о пещере при истоке Каменце. Взяв благословение, раздав рухлядь нищим, закинув торбу на плечи, босым пошел к Каменцу.

У пачковских бобылей оставил он домочадцев, спустился к пещере и покался во всем Марку, сказав, что не нищеты ради пришел он к нему, а ради покаяния и подвига.

Трудами своих рук начали они вместе копать церковь в горе. По вечерам молились в пещере, и путникам, проходившим горой, казалось, что вершины поют.

Горе их посетило. За молитвой под дубами отошел Марк. После смерти жены, принявшей монашеский образ, отошел в Псков Иоанн и вернулся иеромонахом Ионой.

В съезжем шатре, объехав старую валовую межу, договаривался князь с послами. Друг другу кланялись, обещая через рубеж и стержень не вступаться, пожжен не косить, леса не сечь. Целовали крест, призывая на обидчика гнев Божий, и, приложив к грамоте руки, отправились к своим землям.

Мирные шли годы. Заря румянила башни Де-тинца⁸. Уронив искры от крестов в седую утреннюю воду, выплывал из тумана Псков. Пахарь, вышедший на пригорок, разбившая на холмах свой стан княжеская рать, рыбак, возвращающийся с лова, видели над озером белый, словно отлетающий град.

После ранней, погрузив на корабли вынутые из церковных подвалов коробья с товарами, торговые люди-псковичи поднимали паруса. Выходя на чистый озерный путь, медленно заворачивали серые паруса, ветер ровно держал стяг Нерукотворного Спаса, а за кораблями бусами тянулись груженные белым льном лады.

В перемирные годы закладывал Псков стены каменные. Принимал и встречал новгородского владыку, что приезжал детей своих псковичей благословить. А то высылал Псков князя с ратью церкви ставить, сено косить и рыбу ловить.

В лето, когда обильные плоды дали лесные яблони, была закончена ископанная в горе церковь. В Псков отправился Иона просить об освящении храма. И не получив ответа, ибо не было на Псковщине церкви в горе, кормясь по пути, пошел в Великий Новгород, припал к ногам владыки и не встал, пока не вымолил благословения.

Крестьянин Дементьев отрезал от своих пожжен поприще земли и отынил его от зверя и лихого человека. Зеленый бор радостно шумел по утрам. В нем инок на при-

⁵ Крыжаки – крестоносцы, от немецкого krist – крест, заключенный в круг, символ рыцарей Тевтонского ордена.

⁶ Поприще – мера длины, близкая к версте.

⁷ Буевище – место в церковной ограде.

⁸ Детинец – самое укрепленное место в городах северо-западной Руси, кремль.

исканных деревьях подвесил дубовые борти и подкуривал их осиновым листом для пчелиного здоровья. На откосе в роще мелких лип разрослась пасека. Было там радостно и звонко.

Мужики подарили им мерина и поженьки из быльях чьих-то перебитых Литвою жильцов.

На расчищенной делянке посадили иноки вишенья и яблонья, вспахивали полосу под рожь и ходили косить в Тайлово, где во мху лежало глухое озеро. Пчелы дарили воск, сосны и ели – ладон. Гнули иноки полозья санные и жили трудами своих рук.

А по смерти Ионы обрели на нем вросший в тело кольчатый панцирь.

Икона Иоанна Печерского

На горе срубили они церковь Антония и Феодосия. Сообща вывели над крытым драницей шатром купол, из железа сковали бильце.

Но попустил Бог. Изгоном проходила Литва. Пограбила она пачковских жильцов, и от литовского огня вознеслась на небо деревянная церковь. Не тронув пещеры, бежала Литва из обители, оставив тела посеченных иноков.

На окруженной бором поляне, где спали горбатые валуны, настигла их изборская рать, и после сечи легла Литва, примяв мох. Сняв с побитых доспехи, ушли изборяне.

Погорелую обитель принял игумен Дорофей.

Крестьяне привезли в дар бревна на церковные строения, мох для мишения, три нивы вскопали своими конями. На бедность пожаловал монастырь Снетогорский лещей вяленых, а Мирожский – хлеба. Торговые люди, псковичи Федор и Василий, от своего праведного имени поручили иконописцу именем Алексею, прозванием Малому, славному на весь Псков и Великий Новгород благочестием и строгим житием, написать образ Пречистой Богородицы, честного и славного Ея Успения.

На мощах, растворив краски, писал Малой. В лето 1521 года поставили образ в церковь. Начала Богородица чудеса творить. Исцелила чернеца и отрока бесноватого, нищего изборянина освободила от давних страданий.

Государев дьяк Михаил Мисюръ, прибывший в Псков с наместником и стрельцами, осматривая волости, заехал в обитель. Полюбился ему храм под земляными сводами, над которым ликовала молодая зелень.

Стал он часто наезжать в обитель, живя в келье, помогал казною, расширил монастырь под горой, с игуменом установил чин церковный, службу вседневную, устав монашеского жития и к уставу свою руку приложил.

Под немецким рубежом в Тайлове-погосте, близ Ново-Городка⁹, созывал на молитву монастырь погорелый, самый младший из братии Псковской.

Леонид Зуров

Комментарии

Древняя псковская земля, поначалу входившая во владения Великого Новгорода, была юго-западным форпостом русских земель. Она первой принимала удары ливонских рыцарей, набеги которых с начала XIII века стали постоянными. Вначале это были меченосцы – первые немецкие рыцари-феодалы, обосновавшиеся в северной Латвии. Со временем они вошли в состав более сильного Ливонского ордена, находившегося на территории нынешней Эстонии. В него входили также рыцари Тевтонского ордена и эстонские датчане, основавшие здесь свой торговый город Таллин (дословно: датский город). Впоследствии этот конгломерат, основанный не без участия Папы Римского, именовался Ливонией, а затем Лифляндией. Именно с объединенными войсками Ордена пришлось столкнуться Александру Невскому в 1240—1242 гг. Конфликты возникали и позже. Например, в 1268 году новгородский князь Дмитрий Александрович разбил орденское войско под Раковором, а в 1292 году победу одержал Довмонт Псковский.

В XIV веке у Руси появился новый враг, совершавший походы на новгородские земли с южных рубежей. Литовское княжество, быстро расширявшее свои владения, к середине века включало в себя Полоцкое, часть Смоленского княжества, а также северные земли Киевского. Литва была последним государством в Европе, принявшим христианскую религию. Вели-

⁹ Ново-Городок – впоследствии Нейгаузен, нынешний Выру.

кий князь Ольгерд, оставаясь язычником, попытался создать новое государство Русь Литовскую, куда собирался политическим путем включить и Псков с Новгородом, конфликтовавшие с Москвой. Но после смерти Ольгерда Литва попала под влияние Рима и стала католической. Теперь все ее военные действия были направлены против православной Руси. Конфликты с Псковом и Новгородом возобновились, а позже переросли в постоянное противостояние с Московией.

В то же время продолжались столкновения между Псковом и Ливонским орденом¹⁰. И хотя Литва и Орден были двумя разными противниками, у наших предков они имели общее название – литва. Даже через два века, когда Литовское княжество вошло в Речь Посполитую (Польское королевство), это название сохранилось.

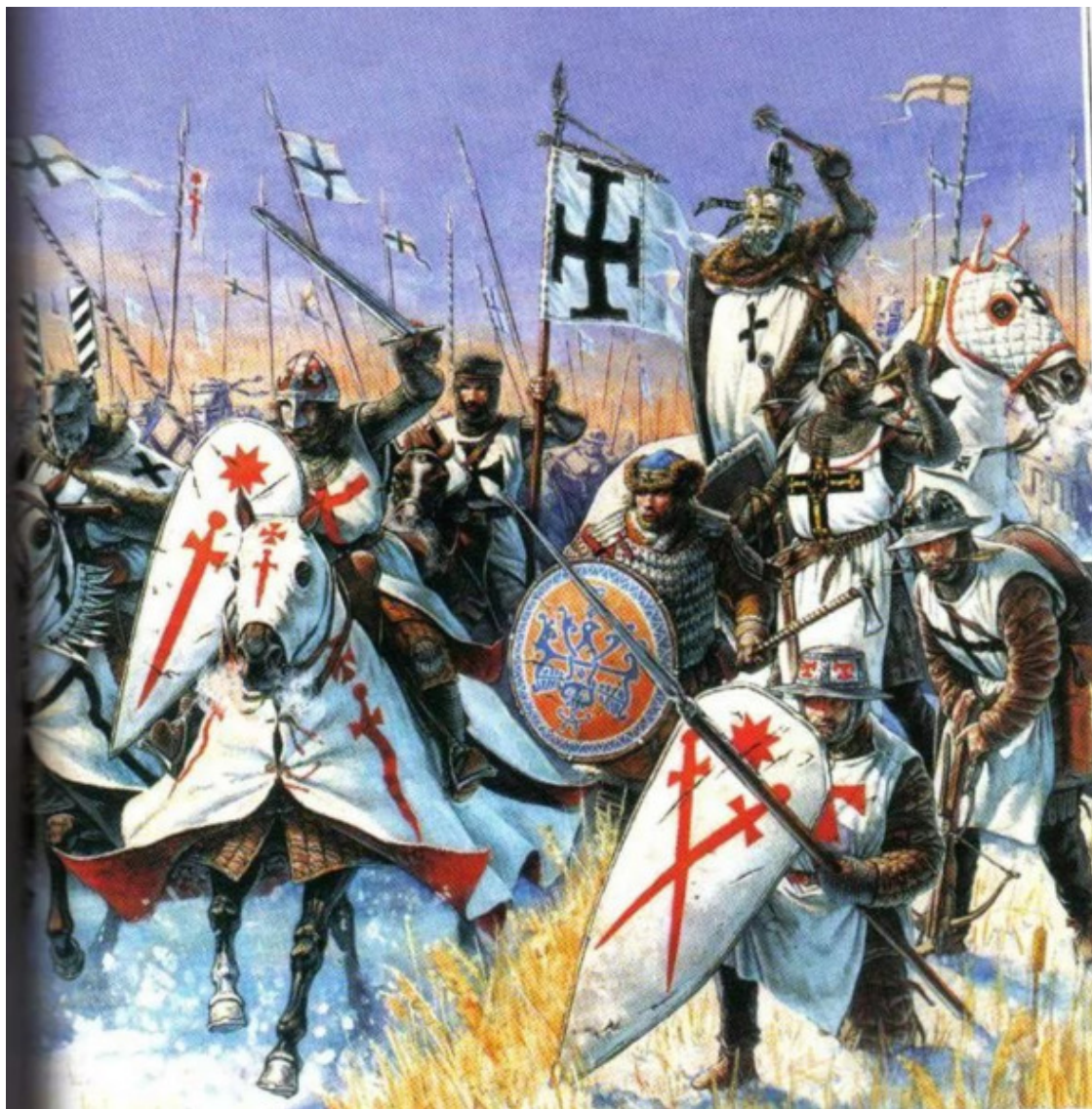
Начало событий, описываемых в очерке «Малая обитель», относится ко времени окончания очередной войны с Ливонией 1444—1448 гг.¹¹ В те беспокойные годы пещера на берегу ручья Каменец служила укрытием для местных жителей во время набегов литовских людей. Потому-то они и направили туда странников.

Псково-Печерские летописцы считают, что святая пещера была обретена в 1392 году. О ней известил «земец» из Изборска Иван Дементьев, поселившийся на берегу реки Пачковки у впадения в нее ручья Каменец. Он обнаружил эту пещеру, отправившись рубить лес на Святую гору, возвышавшуюся над ручьем. Монастырские летописцы сообщают об этом так: *«Дерево, стоявшее на крутом обрыве горы, падая, увлекло за собою еще одно большое дерево и несколько малых. Земля обсыталась, и открылось устье пещеры с надписью: «Богом зданная пещера».*

В древности ручей Каменец был глубокий, «*аки ров*», а вокруг стоял дремучий лес. В ручье водились бобры, мех которых в те времена считался царским, очень дорого ценился, и сюда часто наведывались звероловы из Изборска. Первыми слышали церковное пение, исходившее из Святой горы, отец и сын Селиши, но при этом они никого не видели. В преданиях о первом иноке преподобном Марке говорится, что позже местные охотники видели его молящимся на склоне холма у трех больших камней. Два из них и поныне лежат в верхнем монастырском саду под сенью огромных дубов, а третий, как считают монахи, ушел в землю.

¹⁰ Воинские конфликты с Орденом возникали в 1242—1243, 1368—1371 и 1408—1409 годах.

¹¹ В 1448 году князь Александр Чарторыйский во главе псковичей и новгородцев разбил близ Нарвы войска Ордена и Швеции. В 1449 г. Псков и Ливонский орден заключили мир на 25 лет.

Ливонские рыцари брали в союзники даже татар

Приграничные конфликты с Ливонским орденом в этом беспокойном районе то вспыхивали, то затухали. Очередное обострение отношений произошло в 1469—1472 гг. Тогда же на ливонских территориях усилились гонения на православных христиан. Священник Иоанн Шестник, направленный из Москвы в Дерпт в 1467 году, столкнулся с ненавистью католиков, принуждавших вступить с ними в унию. Слыша постоянные угрозы в свой адрес, он уже тогда надел под рясу кольчатый панцирь.¹² Опасаясь за свою семью, Иоанн в 1470 году покинул ливонскую землю. С женой и двумя сыновьями он пришел в Псков, где совсем недолго прослужил священником в Соборе Живоначальной Троицы.

Узнав о мученической кончине дерптского пресвитера Исидора и не отказавшихся от своей веры 72 православных христиан, Иоанн решил посвятить себя подвигу. Он направился к уже ставшему известным во Пскове печерскому старцу. Был ли это преподобный Марк или же кто-то из его последователей, доподлинно неизвестно¹³, имя первого инока монастыря было занесено в монастырский синодик позже.

¹² До принятия сана Иоанн был воином и имел воинское снаряжение.

¹³ Согласно одной из летописей преподобный Марк является четвертым великим пустынножителем.

Придя на Святую гору, Иоанн с женой Марией начали копать церковь. Вскоре Мария заболела. Она приняла монашеский постриг, *«и наречено бысть имя ей Васса, в том образе и преставися»*. Именно с погребением Вассы связано первое чудесное явление: *«В следующую ночь после того, как инокиня была погребена, гроб ее был выставлен из земли какою-то невидимою силою. О. Иоанн и духовный отец Вассы, думая, что пропустили что-нибудь в надгробном пении, совершили над умершею это пение во второй раз и после разрешительной молитвы снова опустили ее в ту же могилу. Но через ночь гроб Вассы опять очутился на верху могилы. После этого Иоанн оставил гроб ее уже не погребенным и поставил его на левой стороне, при входе в пещеру, ископав в стене только нужное для нее вместилище»*.¹⁴

Чудеса происходили и позже. Во время одного из нападений на Псково-Печерскую обитель один из ливонских рыцарей хотел осквернить святую гробницу. Он попытался мечом открыть крышку гроба с мощами преподобной Вассы, но был внезапно опален *«исшедшим изнутри Божественным огнем»*. На правой стороне гроба и сейчас виден след пламени.

После смерти жены постригся и сам Иоанн (*«наречется бысть Иона»*) и с усердием продолжал задуманное. Наконец закончив свой труд — *«ископа малую церковь в горе и постави келии на столбах, прямо церкви Печерныя»*, он отправился в Псков просить ее освящения. Однако здесь он получил отказ: *«Церковь в горе эта необычная и необыкновенная по своему устройству»*. Тогда Иона пошел в Новгород. Пещерная церковь была освящена по благословению Новгородского архиепископа Феофила в день Успения Божией Матери, 15-го августа 1473 года.

Дату смерти Ионы официальные источники Псково-Печерского монастыря определяют 1480 годом. Именно этот год стал началом очередного военного конфликта с Орденом (1480—1482). Была ли в этом какая-то взаимосвязь, неизвестно. Кольчатый панцирь, который Иона не снимал более десяти лет, повесили над его гробом в пещере, но позже он был похищен.

¹⁴ Первоклассный Псково-Печерский монастырь. Остров, 1893, с. 7—8.

Пещерная церковь монастыря сегодня

Деревянная церковь Антония и Феодосия и монашеские кельи были построены при пре-емнике Ионы иеромонахе Мисаиле. Но при военном конфликте 1500—1502 гг. все постройки на Святой горе были разграблены и сожжены. Пещерная церковь уцелела. *«Когда же святотатцы стали бесчинствовать в Успенском храме монастыря, вышедший из алтарной части огонь изгнал их из обители»* – так освещают этот эпизод монастырские летописцы.

Опасное соседство с Ливонией длительное время мешало развитию святой обители. Только после присоединения Пскова к Московскому княжеству Иван III, видевший в монастырях поддержку и опору и учредивший на севере и северо-западе множество монастырей, оказал негласную поддержку самому западному православному монастырю. При нем госуда-

рев дьяк Мисюрь Мунехин начал в обители интенсивные строительные работы, которые вел и за счет государственной казны.

Игумен Корнилий

Пало бремя игуменское на двадцативосьмилетние плечи Корнилия, пострижника Печерской обители. С отроческих лет он ушел в монастырь, под началом старца подвизался, свечи скал, дрова рубил и был искусен в письме иконном.

С детства мать его научила тайной милостыне и любви к странным. Отирая слезы, мать его, боярыня, говаривала, что нездешний он, сыночек милый, и родился он после тяжелого лета, когда спустили с Троицкого собора вечевой колокол и плакали по вольной старине псковичи.

Корнилий отроком обучился рисунку буквенному и письму иконному у старца в Мирожском монастыре. Гусиным пером изучился он выводить букву, трогать рукопись золотом и киноварью¹⁵. Приступая к работе, начиная затвор в тишину, становились они на молитву. Один тонок, бледен лицом, другой погорблен и сед.

Легок пост по средам и пяткам – без пищи. Оттого тонок сон, а устали нет при работе. Старец краску разбавлял святою водою, по заветам православным наставлял, как преподобные писали по пророческому видению. Отрок медной ступою янтарь толоч, помещивая лучиной светлеющую олифу, руку подносил к огню, пытая жар, золото сусальное с патокой перстом творил, воск скоблил, золотой лист сек по коже ножом.

Жила у них радость работы. В открытое окно были видны облака над мертвым жемчугом стен. С глиняного рукомойника капала вода. Тихо на белых крыльях летел в обители день.

– О Пресвятая Дево, Госпоже Богородице девственных похвало, Цвете прекрасный... – пел старец.

Отрок безмолвно молился милой Владычице, чистой хранительнице, древними милостями покрывающей Отчину.

В Пасху Христову Пресветлую легко перебирал он тонкими пальцами веревки, трогал лямки тиньков¹⁶, приноравливал острый звон к ревунам¹⁷.

Белые звонницы – молитвы зодчих – пели об уходящих стягах псковских ратей, о коленопреклоненных в поле крестьянах, о псковичах.

С матушкой и государевым дьяком Мисюрой приехали они на колымаге¹⁸ в малую, среди леса, обитель, что была беднее любого псковского погоста. После службы в пещерной церкви под звездами, когда отрок шел по тропинке, глянул он на небо.

Господи, какие были на нем звезды! Отстав от матери, опустился он на колени и замер, наполнив тело восторгом и беспредельной молитвой. Мать нашла его в траве и понять не могла, отчего он улыбался и плакал.

Оставив мирской мятеж, ушел он из Пскова, и в Печерской обители возложили на него иноческий образ.

Жил он в убогой келье, спал на досках, покрытых сермягой¹⁹. С солнцем вставал, правил службу и уходил на монастырское дело.

¹⁵ Киноварь – минеральная краска красного цвета.

¹⁶ Тиньки – малые колокола.

¹⁷ Ревун – большой колокол.

¹⁸ Колымага – телега, повозка.

¹⁹ Сермяга (латыш.) – грубая ткань, обычно серого цвета.

Монашеская келья

В дни мора, когда на Псковщине церкви стояли без пения и люди бежали от селений в леса, игумен Корнилий ходил по моровым деревням приобщать здоровых и отпевать у круглых ям преставившихся.

Города затворяли свои ворота, по площадям кликали клич, чтоб ехали купцы обратно. У колючих рогаток по дорогам горели стрелецкие костры и проезжих пытали под присягой – не из моровых ли они мест. А всякого пробиравшегося стороной бросали в огонь с конем, повозкой и всем скарбом. В заморных заколоченных домах живые, не смея выйти на улицу, помирали голодной смертью, а бежавшие в леса питались листьями и мхом. Здоровым, отсиживающимся в лесах, носили иноки вареную рожь.

Когда миновало поветрие, поднялась в народе вера к обители и многие стопицы потянулись к лесному монастырьку.

За рекой Пимжею в сосновых борах жили чухны²⁰. При набегах воинских людей бежали они к рубежу. Под охраной сторожевых ратей на сумежских землях жгли они побитых. В дыму плакали женщины, царапая лица, а на заходившее солнце начинали беснование старухи, проклиная пришедших людей и жестокую птицу чибиса, выдавшую криком их лесные убежища. Их поля охраняли насаженные на колы коневьи головы, а сады – можжевельные кусты.

Возвратясь к священным рощам, они украшали дуплины дубов вышитыми полотенцами и молились теплему Мигузицкому камню. Обмазывая его творогом и маслом, они прикладывали к нему детей и одежду больных. Девушки, подплясывая и гикая, кружились вокруг костров, взмахивая белыми рукавами.

²⁰ Чухны – эсты, сету и другие финно-угорские народности.

За Пимжу ходил с проповедью Корнилий. На Светлую Заутреню, христосуясь с игуменом, просили они святой воды для окропления своих хат. На Псковщине их называли полуверцами. В дар образам приносили они шерсть, зерно и медом мазали губы иконных ликов.

Не зря ходил по Ливонии человек, пришедший из верхнегерманских земель, и призывал всех очиститься во имя Господа. Рогожный мешок покрывал его голое тело, прямые волосы падали на его костистые плечи. Горожане смеялись, предлагали ему выпить пива, мальчишки дергали его сзади, кидались в него снежками, а крестьяне, глядя, как под его босыми ногами тает снег, вздыхали и крестились. Звали его Юрген, и пропал он потом среди лютной зимы по дороге на Нарву.

Вскоре заплакала Ливония у конских седел, провожая хмельное рыцарство и дворян. От звуков ратных барабанов отвыкли города и местечки.

Запели трубы, на снежных равнинах темными потоками сошлись войска. По мерзлой земле запрыгала пушечная пальба, зарево задрожало над замками, и побежала Ливония, пугаясь росших в поле деревьев.

Татары из царского войска за ноги волочили старых кнехтов²¹ и молодых дворян в заросшие кустами овраги. С башен замков ливонские девушки увидели бегущих и тучами шедшую по полям и дорогам Москву. Много костей лежало в лесах, поломанные мечи и шеломы ржавели в траве.

От Пскова и Изборска на Нов-Городок ливонский шли рати. Идя на битвенное дело, заходили они в Печеры под благословение Владычицы, молебны послушать и приобщиться, чтобы с чистой душой отойти в бою к Господу. С поля боя же сюда несли гробы дубовые с телами убиенных знатных. В сырой глубине пещер копали иноки им последнее убежище, вмуровывали в стены камни гробные и вписывали в синодик²² их имена. После боев приезжали москвитянки поплакать у гробов мужей и оделить Владычицу подвечными жемчугами, гривнами и вышитыми по обету покровами.

Искалеченных мечами и пушечным свинцом лечили иноки и кормили из благочестия. Трапеза монастырская была открыта для путников и беглых. Царь Иван смиренно ночевал у Пречистой и дал обители грамоту. Не велел он судить игумена Корнилия с братией и укрывающихся в обители чухон.

Боярин князь Андрей Курбский шел к немецкому городку. Был он молод и весел. След сабельный лежал на его щеке, а под богатым кафтаном в белых рубцах были его плечи.

Возложил Корнилий руки на голову князя и призвал на него благословение Божье. Поцеловал его рясу князь, и легок ему показался путь, и радостно ему было пасть в бою за Отчину. Стал он часто сюда наезжать, и домом родным ему была обитель.

В августе осаждал князь Андрей Феллин²³. В Успенье послал ему игумен просфору и святую воду. Когда въехал священник в русский стан, начали на стенах метаться немцы, город вспыхнул огнем и, отворив ворота, пошел под государеву саблю и волю. Челом ударили Владычице воеводы и подарили колокол немчин – серебряный, а царь повелел дважды в год возить ему из обители святую воду.

Весною прискакал в обитель князь Андрей, упал к ногам игумена и зарыдал, склонив поседевшую голову. Плача поведал Курбский о русских побитых князьях, о кровавом царском суде, о том, что отвернулось от государя Андреево сердце. С грустной улыбкой проводил его Корнилий, благословив крестом.

²¹ Кнехт (нем.) – простолудин, батрак.

²² Синодик – список для церковного поминовения.

²³ Феллин – нынешний город Вильянди в Эстонии.

Вскоре изменил царю и России князь Курбский. Зимой по злым снегам пошел он с Литвою разорять Великолуцкую область, а в марте призвал войско на Псковщину. На дым пускал деревни и усадьбы, только церквей не жег князь Андрей. Перед огнем на коне, в куньей шапке, седоусый, погорбленный, проклятый в своем отечестве, князь вздрагивал при криках полонянных. И отвернувшись от литовских воевод, склонив голову, рукавом смахивал слезы, просил Господа простить его измену.

Предатели.

Князь Андрей Михайлович Курбский был одним из самых близких к царю Ивану Грозному людей. Именно он руководил русским войском в Ливонской войне. Однако после того, как Грозный начал опричнину, и многие знатные бояре попали под царскую опалу, Курбский бросил семью и перебежал к польскому королю Сигизмунду, опасаясь за свою участь. Случилось это в 1563 году.

Иван IV видел предателей и в боярах, и в других служивых людей.

Поднималась малая обитель. Городовую стену и церкви созидал духовный сын игумена Корнилия и старца Васиана Муромцева инок Пафнутий Заболоцкий.

Долголицый, по рясе подпоясанный веревкой, любил он класть из мелкой плиты узор пояском по шейке купола. Когда зори догорали на камне узких звонниц, за холмы уходило солнце, спускался Пафнутий с лесов, опускался на колени и, припадая лицом к еще теплой траве, просил Матерь, чтоб миловала Она скудные псковские поля. Был зодчим Господним инок Пафнутий.

Над очищенным местом сотворил игумен Корнилий молитву и своими руками положил начало алтарю во славу Николы Святовратского. Пели ино-ки, на деревянной звоннице били в колокола-повелички. Крестьяне по стенному мосту несли на плечах Икону Владычицы. Игумен кропил сложенную косыми саженьями плиту, лесные припасы и чаны с известью. Через Каменецкий овраг, просекой с поваленными по краям соснами, шел Крестоход.

Рядом, в поле, стояли шалаши изборских каменщиков, стеничников, ломцов и пачковских землекопов. Пожаловал их игумен, благословил на церковное и монастырское строение.

Были среди них пришедшие по обету, трудящиеся по своему усердию, с верой клавшие каждый камень. Усталый полк, проходя мимо, скинул брони и трудился у монастырского дела, прося поминать их имена, как Бог пошлет в бою по их души.

У рубежа валили лес, волокли его к Пижме-реке, спускали к Куничей горе и тесали по добровольному раскладу неоплатно. Из сосны рубили кельи и караульные избы. Осицу рассекали на дощечки, чтобы покрыть кровлю по чешуйному обиванию.

Псковские люди жертвовали на опайку глав оловянные блюда, в сливку колокольную – горелую медь, железо на языки и дарили парчу на построение риз. А обозерские рыбаки, забрасывая про обитель сети, кланялись рыбой.

В остроге на Святых воротах свершил Пафнутий каменный храм и главу его обил золочеными полосами. Над тропой, протоптанной первыми иноками, перекинулся Никола. Тяжелые плитяные ступени вели к образу Николы Ратного в храме на рези. Был строголиц и грозен хранитель воинских рубежей: в правой руке держал меч, а в левой – детинец с храмом. Перед образом Николы преклонили свою хоругвь первые монастырские стрельцы.

Оборону обители поручил ему Пафнутий. Его о трех столбах звонница звала и к молитве и к осаде, колокола были слиты из ратной меди, а в его клеть положили монастырский боевой запас.

А там, где рос дубовый дикий лес над пещерами, средь яблоневого и вишневого сада поднялись два золотых шатра с проросшими из маковиц крестами. Выше холмов стесал Пафнутий из белого камня звонницу от Запада к Востоку. А под ее шестипролетной колокольницей устроил он малый храм.

Храм и стены белели старой изборской известью, смешанной со льном. Была та побелка крепка и чуть розовата.

Вокруг оврага вырос каменный город с круглыми брусяными башнями увенчанными заостренными кlobучками²⁴, завершенными крестами.

²⁴ Кlobук – монашеский головной убор.

Монастырские стены

Три дороги принимали обительные ворота. Святые – богомольцев, Нижние – колымаги и коней, а Изборские – гонцов с Псковской дороги.

Тронула седина игуменскую бороду. Со всеми ласков и приветлив, молча слушал он людей. Помолвившись, благословлял. Любовью к людям было переполнено его сердце, знал он все грехи людские и прощал их кающимся истинно. При звуке его голоса открывались сердца, стыд отбегал, после покаяния плакали люди облегчающими слезами. Многие опальные люди приняли в обители иноческий чин. Был он ясен и прост, но царь после грешных дел не единожды вспоминал взгляд игуменских глаз.

Рати шли. Царь лил кровь в Москве и Ливонии. На смутные, тяжелые времена указывало небо. Смирненно молил Бога Корнилий, чтобы дал Он устройство земское, и мир, и тишину, и послал бы свыше Свою благодать рабу Ивану. Просил Владычицу, чтобы не предала она Руси за многие бесчисленные прегрешения, за невинно пролитую кровь.

Все несла в обитель незамирная, голодная, мимо проходящая Русь...

Тяжкие времена пережил Псков.

В апреле ночью над Псковом стягом выросло зарево. Занялось с нового креста. Огонь рвал сухие кучи хвором, рядовые улицы, где лавки были в один сруб, дворовые места, облизывая и раскаляя каменные стены.

Через Великую перекинулось на Запсковье, и закипела у береговых камней вода. Взметывало головни, выбрасывало клуб за клубом шумное, как весенний ревущий поток, искорье, гнало пламя по крышам, взрывало высушенные огненным зноем сады.

Церкви свечами возносились к небу, с глав по деревянным жарким срубам смолой бежала медь, колокола стекали в сухую землю. Занялось подгорье и посад до Гремячей горы.

Из церквей в дыму выносились иконы. Люди, накрыв кафтанами головы, метались по улицам, ища выхода, и, упав, вились, как черви. Криков человеческих не было слышно из-за шума огня.

В кремле вспыхнули житницы.

Через рассевшие стены вылилось зерно, золотое от жара. От дерева остался горячий прах.

Когда тяжело рвануло пороховые погреба, вынося каменную стену Детинца, землю, клубы белого солоноватого дыма, людские сгорающие в воздухе тела – занялся видный на десятки верст розовый от огня собор Святой Троицы.

На потоптанных нивах стоял ослепленный жаром народ. Священники, рыдая перед вынесенными образами, служили против огня молебны.

Плачи тонули в ночи, их забивал шедший вихрем шум огня. Пылали верхи башен, деревянные мосты на стенах, и изредка били раскаленные пушки.

Бродила потом половина Пскова по пожарищу, ища среди головней и золы кости родных и любимых. Пушкари выкапывали стекиющую в землю пищальную медь, разбирали рассыпавшиеся в гресту²⁵ каменные ядра, и все со слезами глядели на погоревшую Троицу.

Жестока была держава царя Ивана.

В народе говорили, что волхвы ожесточили и сделали жадным до человеческой крови его сердце.

От поклонов был темен, словно закопчен, его лоб, а кожа пальцев изранена колокольными веревками.

²⁵ Греста – в данном случае: слоистый щебень, труха.

Осиротев на четвертом году, отроком любил он смотреть, как в спущенных прудах билась, засыпая, рыба. Всегда весело ударяло его сердце, когда под секирой прыгала приложенная к колоде голова.

Царем он ходил по темницам навещать опальных людей. Окованным железом, израненным острыми помостами он задушевно говорил о своей тяжелой доле, плакался, крестился, а вызвав чужие слезы, поднимал загоревшиеся презрением, никому не верившие глаза.

Ночью он часто плакал, вспоминая, как плакивал в детстве от сиротства и боярских обид, забившись в кусты дворцового сада.

Через строй выгнанных плетью на мост раздетых донага отроковниц въехал царь в опальный Новгород.

Пять недель гуляла по городу опричина²⁶. Топила в дымящихся от мороза полыньях Волхова опальные семьи, разъезжала в санях с бубенцами по улицам, привязав за ноги бояр, разбивая их тела о срубы на крутых поворотах.

Уходя по большой дороге на Псков, оставив опустошенный, надолго замолчавший Новгород, вешала она людей на деревьях и рубила по пути резные окна и ворота.

В субботу на второй неделе Великого поста Псков замер. К ночи пригнала опричина в обитель Николы в Любятово²⁷. Во Пскове, не смыкая глаз, плакали и молились в новоотстроенном Соборе псковичи.

В полночь в Любятове, выйдя на крыльцо, царь слышал плывший от Пскова звон. Хлопьями над полем падал снег.

Тяжелым пологом висело небо, снег замел дорогу. На торговище, настезь отворив ворота града, с иконами и крестами ожидало царя черное и белое духовенство.

В полях, подкатываясь к стенам, звенела трубами опричина. На вороном аргамаке, с крестом на груди, в спустившейся на глаза лисьей шапке ехал царь.

У ворот, уронив покорно голову, на коленях стоял псковский князь. А на улицах и площадях по пути царской избранной тысячи на снегу перед палатами и избами замер коленопреклоненный Псков. Были выставлены полные снеди и медов столы – то псковитянки, держа на руках детей, встречали царя хлебом-солью.

Озираясь по сторонам, задерживая коней, тихо вошла чернокафтанная опричина. Ее смутило молчание улиц. Оплакивая честь и боевые дни, падал над Псковом великопостный звон. А на пустой, покрытой пушистым снегом площади – босой, колени голы, в рубище, в медных тяжелых крестах – прыгал верхом на палочке юродивый Никола.

– Иванушко, – ласково крикнул он, остановившись перед конем, протянув сухую потемневшую руку, – покушай, родной, хлеба-соли, а не кровушки... Иванушко! – снова крикнул он и склонил к плечу свою простоволосую голову.

Конь встал. Внезапно побледнело до желтизны лицо царя. Опершись руками на седельную луку, не отрывая от юродивого глаз, он молчал. Задрожали положенные на луку пальцы рук.

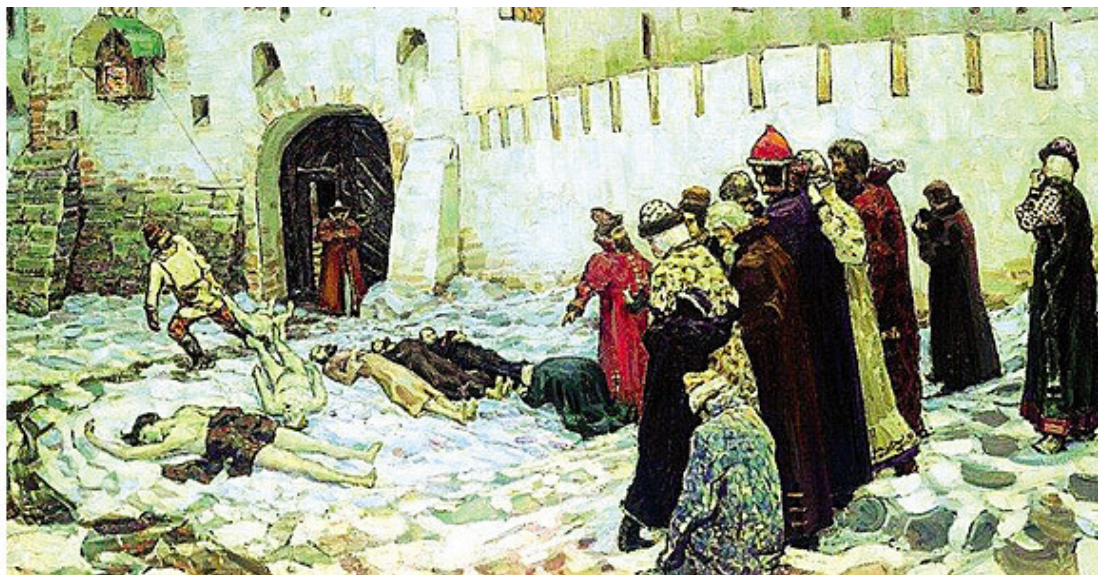
– Иванушко! – юродивый скакал к собору Живоначальной.

– Схватить! – страшно крикнул царь, и, забив подковами по площади, бросились за юродивым опричники.

Но площадь была пуста... На коленях стоял народ. Снег падал на иконы и хоругви.

²⁶ Опричина – от древнерусского *опричь* – особый, обособленный; карательные отряды, наделенные царскими полномочиями.

²⁷ Любятово – большое село, в настоящее время пригород Пскова.

Расправа с новгородцами

Заняло дух. Царю захотелось, ударив плетью, всех смять конями. Закрыв глаза, он боролся, а приподняв тяжелые веки, почувствовал взгляд чьих-то глаз. У иконы с крестом стоял игумен Корнилий.

Сняв шапку, царь стал поспешно креститься. Потом слез с коня и сделал несколько шагов к кресту. Шел он, погорбленный и жидкобородый, волоча ноги.

В соборе он плакал о тех, кого убил в Новгороде. Смиренно, не поднимая глаз, сдерживая медленно бьющееся сердце, он вышел на торговщице и приказал гнать вон из Пскова.

В становище, скинув на руки опричников шубу, прижав жаркими губами к братине²⁸, он окинул взглядом челядь и приказал плясать. В рясах, накинутых на шитые золотом кафтаны, завилась опричина.

Царь, глубоко сидя, зажав в руке чарку, не разглаживая морщин, мелко смеялся. Внезапно остановился его взгляд и, дернувшись, застыла улыбка.

Вскоре рыжим дымом занялось богатое село. Где ночью стоял государь, там наутро пело пламя.

Получив от беглого монаха донос на Корнилия, царь приказал седлать и ехать к Пречистой в Печеры.

Заработали по жидким мостам подковы.

На вороных конях, то шагом, позванивая в трубы, то с присвистом и гиком, пуская пылью, шла верная в своем сиротстве опричина. Тяжела была февральская дорога. В серых снегах темнели просовы.

В синодики приказал вписать государь имена опальных людей, ручным усечением конец принявших, сожженных, из пищалей²⁹ пострелянных, имена их Ты Сам, Господи, веси³⁰. И из Пскова — Печерского игумена Корнилия и старца Васиана Муромцева.

Леонид Зуров

²⁸ Братина — большой сосуд для вина продолговатой формы, который обычно за столом пускали по кругу.

²⁹ Пищаль — огнестрельное оружие, пушка, впоследствии ружье.

³⁰ Веси — в данном случае: ведаешь, знаешь.

Комментарии

Описанные в очерке события, относятся к 1500—1570 годам, то есть ко времени жизни игумена Корнилия. Говоря о дате рождения будущего игумена (*«после тяжелого лета, когда спустили с Троицкого собора вечевой колокол и плакали по вольной старине псковичи»*), автор допустил неточность. Датой рождения Корнилия считается 1501 год, а вечевой колокол был снят в 1510 году.

Корнилий был из боярского рода и потому мог присутствовать при его снятии. Можно представить, какое впечатление на восьмилетнего мальчика произвела публичная казнь колокола, которому отбили уши, чтобы он уже никогда не был подвешен, и вырвали язык, чтобы он никогда больше не говорил. Колокол был отправлен в Москву, и его дальнейшая судьба неизвестна.

Предшествовал этому событию приезд в Псков из Москвы нового царского наместника князя Ивана Михайловича Репни-Оболенского. Князь не явился на вече, не принес присягу, отказался признавать псковские законы. Он сам судил псковичей, сам устанавливал и собирал налоги. Это удивило и встревожило горожан. Они решили жаловаться на наместника Василию III, находившемуся в тот момент в Новгороде, и направили туда самых знатных своих представителей.

6 января 1510 г. посадников и бояр, приехавших в Новгород, пригласили в кремль. Великий князь потребовал уничтожения псковского веча и установления в Пскове московской системы управления. После этого все жалобщики были арестованы и помещены в темницу.

А тем временем из Новгорода в Псков выехал посол Василия III дьяк Третьяк Долматов. По случаю его прибытия было созвано вече. Третьяк объявил собравшимся великокняжескую волю: *«Вечу не быть, вечевой колокол снять, а быть в Пскове двум наместникам Великого князя, а в пригородах по наместнику»*.

Фрагмент памятника тысячелетию Руси. Новгород

В смятении и страхе выслушали псковичи московского посла. Они просили у него разрешения подумать до следующего дня. Тревожной была та ночь с 12 на 13 января 1510 года. Часть псковичей предлагала отвергнуть требование Василия III и оказать сопротивление. Но большинство понимало, что без посадников и бояр, арестованных в Новгороде, невозможно организовать оборону и успешно противостоять Москве.

13 января в последний раз зазвонил в Пскове вечевой колокол, собирая на торговой площади горожан. Псковичи приняли все требования Василия III. Третьяк Долматов приказал снять вечевой колокол. Тяжело было псковичам отказаться от своих обычаев, от веча, со слезами на глазах расставались они со своим символом вольности.

Для псковичей начало XVI века было отмечено не только потерей вольности, но и другими драматическими событиями. Хотя в 1503 году с Ливонским орденом было заключено пятидесятилетнее перемирие³¹, однако назвать этот период благополучным нельзя. Неурожаи, голод, моровые болезни не обходили северо-западные земли. Моровые поветрия зарегистрированы летописями в 1505—1507 гг., в 1522 г.³² и в 1533 году. Видимо, последняя эпидемия и описана в очерке: *«В дни мора, когда на Псковщине церкви стояли без пения и люди бежали от селений в леса, игумен Корнилий ходил по моровым деревням приобщать здоровых и отпевать у круглых ям преставившихся»*.

Холодные и дождливые годы сменялись сухими и жаркими. Они несли с собой неурожаи, голод, болезни, стихийные бедствия. Описанный Л. Зуровым страшный пожар произошел в Пскове в сентябре 1542 года.

В 1548 и 1549 годах вновь случились неурожаи. В 1552 году начался страшный мор в Новгороде и Пскове, причем в последнем погибло около 30 тысяч человек. Всего же в псковских и новгородских синоидальных списках того года упомянуто 279594 человека. Так что эти мирные десятилетия для псковичей были отнюдь не легкими.

Но деятельный и неутомимый Корнилий свято исполнял свою миссию: просвещал людей и обращал их в православие. Со времен Ярослава Мудрого, основавшего город Юрьев, прошло уже почти пятьсот лет. На ливонских территориях, прилегавших с запада к Чудскому и Псковскому озерам, по-прежнему проживали славяне, уже давно принявшие крещение. Но жившие рядом с ними финно-угорские народности поклонялись языческим богам. На них и направил свою миссионерскую деятельность игумен Псково-Печерского монастыря.

При непосредственном участии Корнилия был построен православный храм в городе Нейгаузене (Выру). Он же организовал постройку еще двух церквей на ливонской земле: Троицкой в Агареве и церкви Рождества Христова в Топине Нейгаузенского прихода. Эти храмы игумен Корнилий снабдил причтом, обеспечил церковной утварью и содержанием.

Память о тех событиях сохранилась в обычаях проживающей на территории Эстонии народности сету³³. Раз в несколько лет на деревенском празднике местные жители «выбирают короля». Сегодня эти древние обряды и празднества уже потеряли культовое значение и скорее являются данью национальным традициям. Во время церемонии избрания неизменно упоминаются бог сету по имени Пеко и печерский богатырь, прообразом которого является игумен Корнилий.

³¹ Оно действительно соблюдалось до 1559 года.

³² В одной скудельнице (братской могиле) псковичи захоронили 11500 человек.

³³ Сету – этническая группа, возникшая в VII – VIII веках из кривичей и эстов на границе их совместного проживания.

**Представители народа Сету и сейчас посещают
Псково-Печерский монастырь.**

В 1559 году началась очередная война с Ливонией. В январе русские войска под началом князя Микулинского и татарского царевича Тохтамыша двумя колоннами двинулись вниз по обоим берегам Западной Двины (Даугавы). Разбив силы рижского архиепископа под Сесвегеном (Цесвайне) и Тирзеном (Тирзой), они дошли до Риги. По свидетельству ливонских летописцев, вторжение сопровождалось большими разорениями и жестокостью, в чем особенно отличилась татарская конница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.